

...А НА ПОПЕ — БАНТИК

Почему среди подростков модно одеваться так, будто они сбежали из сумасшедшего дома? Зачем им синие волосы, тоннели в ушах и татуировка по всему телу? А главное — что со всем этим делать нам, взрослым?

Наследственность у них такая?

Я выскочил из метро и решил срезать дорогу, пройдя через парк. Там и воздух посвежее, а то жарища неимоверная.

У входа меня встретили полицейские. — Что-то случилось? — спросил я.

— Пока тихо, — загадочно ответил один из них.

И тут мимо нас, держась за руки, проскакали на центральную аллею две совсем юные девчушки. Ну, лет пятнадцати, не больше. У одной — волосы зелёные, у другой — синие, у одной — чёрная юбка с разрезом на боку чуть не до самой талии, а выше только бюстгальтер, у другой — джинсовые шортики, больше смахивающие на купальные трусики, из-под которых торчат резинки, держащие жёлтые чулки в сеточку. Причём, у той, что в юбке, на попе прямо посередине пришит большой белый бант, точь-в-точь такой, как у маленьких девочек на голове.

Следом за этой парочкой с криками и смехом устремилась компания таких же девчонок и мальчишек, разодетых не то под клоунов, не то под огородные пугала.

— Это что? Простите, кто? — задал я глупый вопрос.

— Проходите, гражданин, не мешайте работать, — уже раздражённо сказал полицейский.

Он нехотя оторвал взгляд от очередных полуобнажённых девичьих телес и ленивым кивком головы показал в сторону висевшей неподалёку афиши предстоящего концерта.

Большинство имён и псевдонимов выстулавших я слыхом не слыхивал: Джиган, Федук, Элджей, Пошлая Молли, Little Big, The Hatters... Но меня это не смутило. В моё время в Ленинградском рок-клубе многие тоже звались по-английски, а уж группы были и вовсе с вызывающими названиями — «ДДТ», «Джунгли», «Зоопарк», «Гражданская оборона», «Сектор газа»... Так что даже

ТРИ ОЧЕРКА О НАШИХ ДЕТЯХ

«пошлыми молли» нас не удивить. Да и те, кто приходил на «сейшн», одевались тоже не как завсегда: Мариинки или БДТ.

Короче, если ещё пару минут назад я разглядывал пробегающих мимо юнцов и юниц, оторопев от изумления, то афиша напомнила мне о собственной юности и заставила признать — дети наши не виноваты, просто у них тяжёлая наследственность.

Ни в мать, ни в отца, а в сверстников?

Молодёжь — в том числе петербургская — всегда одевалась так, что старшее поколение приходило в ужас. Молодёжная мода полувековой давности ещё у многих в памяти, но вот вам свидетельство того, что происходило на центральных проспектах Российской империи в конце 1870-х годов. Александр Бенуа, «Мои воспоминания»:

«Типичными чертами студенческого образа была широкополая мягкая шляпа, длинные неопрятные волосы, всклокоченная нечёсаная борода, иногда красная рубаха под сюртуком и непременно плед, положенный поверх изношенного пальто, а то и прямо на сюртук. Нередко лицо студента было украшено очками, и часто эти очки были тёмными. <...> Для типичной курсистки полагалась маленькая шапочка, кое-как напыленная, неряшливо под неё запрятанные, непременно остриженные волосы, папироска во рту, иногда тоже плед, сравнительно короткая юбка, а главное — специфически вызывающий вид, который должен был выражать торжество принципа женской эмансипации».

Это была не мода, а веление субкультуры. Неважно, студент ли ты, курсистка ли, но, если ты одет по-другому, ты не принадлежишь к прогрессивной молодёжи, и,

значит, тебе не подадут руки, с тобой не дружат и, вообще, не считают за человека.

Одежды менялись, но принцип оставался неизменным. И в 1920-е, когда носили кожанки и ходили в комсомольский самодеятельный театр «Синяя блуза». И в 1960-е, когда современным у парней и девушек считался бесформенный, вытянутый свитер, желательна грубой вязки, а также узкие, обтягивающие брюки и туфли «на манной каше». И в 1970-е, когда появились джинсы-«варёнки» и значки-баттоны со всякими «умными» надписями типа «Мы стараемся сильнее» и «Всё начальство — дурачё»...

Это была не одежда, это была форма протеста против консерватизма взрослого мира. А сегодня?

— Всё это блажь! Выпендрёж! — сказал мне один молодящийся дед. — Поставить их к станочку да заставить жить на кровно заработанные — враз вылетит дурь из головы!

Но в том-то и дело, что это только нам, отцам и дедам, кажется дурью. Иначе зачем девчонки часами просиживают за швейной машинкой, мастера себе вызывающие наряды? Зачем мальчишки и те же девчонки терпят боль, когда, пробивая тоннель, им растягивают мочки ушей то ли «спиралью», то ли «рогаликом» или когда делают татуировку на ещё почти детской нежной коже, а тем более когда старую, «неправильную» татуировку сводят?

Кроме того, за несоблюдение «дресс-кодекса», мальчишек могут и побить. К примеру, в глубинке — за то, что богато одет (форма протеста против «сынков») или за то, что носишь импортное («за американский шмот»). Так что тем, кому от 13-ти до 18-ти, очень важно соблюдать «виш-лист»

(перечень желаемых вещей, от английского *wish* — желать).

Какая уж тут блажь! Всё серьезно. Очень серьезно.

Будем ужасаться или лечить?

Сегодняшний подростковый «выпендрёж» в одеждах, причёсках и разукрашиваниях своего тела, — это не только социальный протест против консерватизма старших, как было в стародавние времена.

Это к тому же стремление к непохожести. Своего рода ответ глобальному миру с его стандартизацией мод, вкусов, идей, массового искусства, вещей, продуктов питания... Это наглядное противопоставление: вот я — уникальный и неповторимый, я — личность, отличная от всех на свете. А «дресс-кодекс», если и утверждает одинаковость, то лишь в небольшой, территориально ограниченной группе.

И ещё — это карнавализация. Выдающийся философ и теоретик европейской культуры Михаил Бахтин в прошлом веке ввёл понятие «карнавализации» как обозначение воздействия Средневекового карнавала (католического праздника маскарада, переодевания, отмечаемого в Великий пост и аналогичного восточнославянской Маслянице) на культуру и мышление Нового времени. Теперь, когда цивилизация на наших глазах переходит от старых форм к новым, ещё никому не ясным, подростковая карнавализация, похоже, выполняет ту же функцию.

Конечно, вся эта протестность — неосознанная, эмоциональная. Но с годами, когда эти мальчики и девочки окончательно вырастут и сами станут уже поколением родителей, они наверняка осмыслят бывшее увлечение и поймут, что «ничто на земле не проходит бесследно».

...Ну, а нам-то, «предкам», как сегодня относиться к причудам наших детей и внуков? Как оценивать их стремление по-клоунски одеваться, писать и рисовать на себе, словно на заборе, красить в яркие цвета волосы, носить золотые украшения в самых неожиданных местах своего тела, пробивать в мочках ушей огромные дыры?

Думаю, относиться и оценивать лучше всего так же, как было, когда ваш ребёнок болел scarлатиной или коклюшем. Лечить. Иногда дозами здорового юмора, иногда сильной помощью, а иногда и восхищением при виде оригинальных решений. Но вот с татуировкой, пирсингом и тоннелями в ушах — бороться всеми силами, убеждая, что это навсегда, на всю жизнь, до самой смерти, и потом этого уже нельзя будет исправить ни-как и ни-ког-да!

МУЖ И ЖЕНА ИЗ 9-А

Зачастую наши дети получают первый сексуальный опыт ещё в подростковом возрасте. А иные тут же хотят жить как муж и жена. Что делать родителям в такой ситуации?..

Вот тебе, мамочка, и Юлькин день!

— Мам, привет!

Ольга Сергеевна вышла в коридор и увидела, что Мишка вернулся из школы не один. Рядом с ним стояла симпатичная дев-

чушка. Большие серые глаза с длинными ресницами, ямочки на щеках...

— Здравствуйте! Я — Юля, — сказала она радостно, даже со смехом, без малейшего стеснения от того, что попала в чужой дом да к тому же с мальчиком.

Пока они ели, Ольга Сергеевна приглядывалась к подружке сына. Нет, она не просто симпатяшка. Ладненькая, обаятельная, большой открытый лоб, плечики острые. Красивая. А держится так, будто живёт здесь давным-давно, но в то же время скромно. И Мишка ни капли не робеет, что привёл девочку. Слово нет в этом ничего необычного: ну, привёл и привёл.

— Юля, Юля... Так ты — Богданова? Точно, Богданова! — Самой себе удивилась Ольга Сергеевна. — Я ж тебя с седьмого класса не видела, вот сразу и не узнала. Два года прошло. А вы так быстро растёте — каждый день другие.

После обеда Ольга Сергеевна не успела встать, чтобы помыть посуду, как Юля её опередила:

— Да я помою, вы не волнуйтесь.

И опять: сказала как своя, по-родственному. Мишка сидел и улыбался одними глазами, глядя то на мать, то на Юлю.

Потом они ушли в комнату сына. Делать уроки. Но дверь закрыли. Что уж они

там делали в действительности, Ольга Сергеевна боялась и думать. Десять минут боялась, пятнадцать минут, полчаса... А потом не стерпела:

— Яблочки хотите?

— Хотим! — отозвался Мишка.

Ольга Сергеевна вошла к ним, неся на тарелке яблоки. Оба чинно сидели за столом и — делали уроки. Она вышла и, как бы невзначай, оставила приоткрытой дверь.

Покончив с уроками, дети пили на кухне чай, потом притащили туда же Мишкин ноутбук и больше часа не могли от него оторваться... Около десяти вечера Ольга Сергеевна не сдержалась:

— Юлечка, а ты маме звонила? Уже поздно. Она, наверно, волнуется.

— Звонила, целых два раза, — ответил за подружку Мишка и добавил: — Юля останется у нас ночевать. И вообще, мы решили жить вместе, как муж и жена. Если ты, конечно, не против.

Ольга Сергеевна онемела.

— ...А т-твои родители как? — с трудом выдавила она.

— Мама согласилась, — спокойно, словно речь шла о покупке пары чулок, сказала Юля, — а папа ушёл от нас, когда мне было два года.

Ольга Сергеевна вынула из кармана свой мобильник:

— Диктуй номер.

— ...Да, слушаю, — ответил откуда-то издали мёртвый женский голос.

— Это правда, что вы согласились, чтобы Юля жила у нас? — спросила Ольга Сергеевна, даже забыв представиться.

— Да.

— Но ведь они же дети! Им всего пятнадцать лет!

— Да.

Ольга Сергеевна пыталась добиться ещё хоть слова от этой женщины, которую смутно помнила по родительским собраниям, но тщетно. Та, глотая слёзы, могла произнести только «да».

Что было делать? Объяснить им, что спать вместе в таком возрасте ещё рано? Постелить этой девочке в своей комнате на раскладушке и завтра же позвонить в школу, в соответствующую службу помощи?..

— Выйди на пару минут, — сказала она сыну. И когда они остались с Юлей вдвоём спросила: — Ты хоть знаешь, что такое опасные дни, как предохраняться, какие есть средства, чтоб не забеременеть?..

— Не переживайте, Ольга Сергеевна! — тихо, но твёрдо произнесла Юля. — Мы с Мишаней любим друг друга. По-настоящему. Но я не такая дура, чтобы забеременеть в пятнадцать лет. Обещаю вам: этого не случится. Я всё знаю. В интернете всё написано.

А если это любовь?

Эту историю семь лет назад поведала мне сама Ольга Сергеевна. Она — моя коллега, мы тогда вместе работали. Но так случилось, что она вскоре уволилась, и с тех пор мы не виделись.

А тем временем я не раз пересказывал события того дня разным людям. Мне было интересно: как другие повели бы себя на месте Ольги Сергеевны?

Большинство — как женщин, так и мужчин — возмущались. Устроить в своём доме притон для малолеток! Надо было отправить эту девицу домой, к матери, а сыну строго-настрого запретить вступать с ней в интимную связь! И всё.

— А если бы это не помогло, и ребята стали жить у Юлиной мамы или ещё где-нибудь, скрываясь от родителей? — спрашивал я.

Мне напоминали, что на это есть школьные педагоги, родительский комитет и, в конце концов, комиссия по делам несовершеннолетних или как там она называется!

— То есть предать интимные отношения гласности да вдобавок поставить своих детей под удар общественного мнения?

А что прикажете делать? — говорили мне. Нельзя же попустительствовать малолетнему распутству! Такие вещи надо пресекать в корне — сразу и на всю жизнь! Один мужчина — кстати, папаша двух мальчиков-подростков — сказал, что «вот она, безотцовщина, до чего доводит», он бы этого Мишку «высек как следует». А одна мама, чья взрослая дочь недавно уже сама стала матерью, вспомнила о комсомоле, который «осудил бы этих юных развратников на своём собрании».

— Ну, а если это и вправду любовь?

Нет, нет и нет! Большинство отказывало Юле и Мише в искренних чувствах, считая, что в таком возрасте любви не бывает и быть не может...

Это, повторяю, большинство. А было и меньшинство. Они сокрушались, вздыхали, жалели и Юлю, и Мишу, и их мам. Но когда я спрашивал, как бы они сами повели себя в такой ситуации, — только пожимали плечами и признавались, что не знают.

Как понять молодых...

Нравится это нам, взрослым, или нет, но сегодня примерно 80 процентов мальчишек и девочек вступают в интимные отношения в 14-15 лет. Таковы данные специалистов.

Те же специалисты отмечают, что у ранней интимной близости юных толкают не только любопытство и ложное желание поскорее стать взрослыми. Одни девушки боятся, что иначе парень уйдёт к другой, другие — считают, что так подтверждают свою любовь к избраннику. Нередко подростки вступают в интимную связь потому, что испытывают нехватку тепла и любви в семье. Зачастую причина всему влюблённость, расплаемая вполне естественным природным желанием интимной близости. Но бывает и любовь, самая настоящая, которая остаётся на всю жизнь, такое тоже случается.

Правда, попытки в таком нежном возрасте не только вместе ложиться в постель, но и вместе жить — крайне редки. Однако недаром сказано, что «ничто не ново под луною...». Ещё в конце XVIII века и родители, и сами дети смотрели на эту проблему по-другому. Вспомним «Евгения Онегина»:

«Да как же ты венчалась, няня?»

— Так, видно, Бог велел. Мой Ваня Моложе был меня, мой свет, А было мне тринадцать лет.

Так рассказывала Татьяне о своём мужестве её старенькая няня. В высшем обществе в те времена в брак вступали позже, но не намного. К примеру, Александр I женился в неполных 16 лет.

Сегодня, за редкими исключениями, становятся мужем и женой не раньше, чем в 18. А чаще — после 25.

Казалось бы, вывод из всего этого однозначен: сексуальный опыт в нежном возрасте не очень желателен — думать надо об учёбе, о занятиях в кружке или в секции, о том, где будешь учиться или работать после школы, а не о всяких глупостях! Ну, а стремление жить вместе, готовясь к ОГЭ или к ЕГЭ, и вовсе недопустимо.

Однако не всё так просто. Жизнь сложнее всех научных рекомендаций и публицистических оценок. Единых рецептов нет и быть не может. Каждое юное создание, а также его родители в каждой трудной ситуации делают свой выбор.

...Кстати, не так давно я случайно столкнулся с Ольгой Сергеевной на улице. Слово за слово, и не утерпел, поинтересовался, как там молодые. Она сказала, что Юля три года назад уехала учиться в Чехию, а Миша здесь, учится в ИТМО. Так что они вроде разошлись. Что значит «вроде»? Никаких размолвок, тем более ссор не было.

Просто в Праге дают диплом по урбанистике, конвертируемый во всём мире. Пока перезваниваются, переписываются через компьютер.

Может, опять сойдутся? Разве молодых поймаешь...

«У НАС РЕБЁНОК НА РУКАХ.

**Рост – 190,
размер ноги – 44,
возраст – 25»**

Теперь дети до 30-35 лет не спешат покидать родительский кров. Это стало уже мировым трендом. Но Россия и тут пытается идти своим путём.

Куда сыночка девать?

Мои хорошие приятели давно отметили серебряную свадьбу. В таком возрасте уже положено внуков нянчить, а они до сих пор никак с сыном не расстанутся.

— Он уже в своей детской комнате с трудом помещается, — вздыхает Антон. — Как сядет на диван, ноги едва не упрутся в противоположную стенку. Да куда ж его девать?

— Жениться ему давно пора, — говорю. — Сколько можно сидеть на родительской шее?

— А он на нашей шее и не сидит, — защищает сына Зинаида. — Почти половину зарплаты отдаёт нам — на еду и за коммуналку.

— Квартирует, значит, — киваю я.

— Конечно, у тебя дочка, тебе легче. Нашла небедного жениха, и порядок! — всплещивает руками Зинаида. — А ты попробовал бы с парнем. Сам знаешь, с какими превеликими трудами после окончания философского наш устроился на работу. Зарплата — 25 тысяч, минус налоги. Завидный жених, ничего не скажешь. И это для молодого вузовского преподавателя ещё далеко не худший вариант...

— Ну что можно с этими деньгами? — поддерживает жену Антон. — В ипотеку влезать с таким доходом просто смешно. Да и страшно: через пару лет грянут у них в вузе сокращения — что тогда? И мы со своими учительскими зарплатами ничем ему не поможем. Нашей заначки хватит только на полкухни.

— Что же, — продолжаю допытываться, — он теперь так и будет у вас квартировать до самой смерти? Надо же пробиваться! Можно поискать другую работу, где платят больше, или взять подработку, создать с друзьями какой-нибудь бизнес... Он же молодой, здоровый люб!

— Да он и не сидит сиднем, — не сдаётся Антон. — Пишет диссертацию. Через пару лет защитится, и тогда перед ним откроются другие вакансии, побогаче. Думаешь, ему самому-то сладко с нами жить? Что ты, забыл какая у нас скромная квартира, даром что трёхкомнатная? Вдвоём в коридоре не разойдёмся. Но надо немного подождать, перетерпеть.

— А пока, — вдруг смеётся Зинаида, — у нас ребёнок на руках. Рост — 190, размер ноги — 44, возраст — 25.

Самостоятельность — это дорого

Взрослые дети, не спешащие покидать отчий дом, — это общемировая черта XXI века. Сегодня в Италии продолжают жить с родителями 84,1 процента молодых людей в возрасте от 18 до 34 лет, в Испании — 80,9, в Польше — 75,9, в Чехии — 69,0, в Германии — 63,5, в Великобритании — 56,6, во Франции — 54,9, в Японии — 48,9, в Канаде — 34,7, в США — 34,5, в Австралии — 31,0 процент.

При этом во многих странах доля великовозрастных детишек, которые не торопятся к независимой жизни, продолжает расти. В Евросоюзе за последние десять лет таких прибавилось на три процента, а в южных странах Европы — даже на пять-девять.

В нашей стране столь позднее взросление пока не превратилось в массовое явление. По оценкам социологов, две трети молодых россиян покидают отчий кров до 22 лет. Но те же социологи отмечают, что в последнее время численность выросших детей, желающих оставаться с родителями, неуклонно растёт.

Японский социолог Масахиро Ямада, изучающий этот казус ещё с 1990-х годов, назвал таких переростков, предпочитающих сидеть на родительской шее, «паразитами». И этот термин закрепился в мировой социологии.

Ну, обзывать, как известно, всегда легко. Труднее представить себя на месте нынешней молодёжи и постараться понять их мотивы.

Во-первых, юному выпускнику колледжа или вуза устроиться на работу очень трудно. Работодатель любит принимать молодых, но обязательно опытных. А где ты получишь этот опыт, если тебя никуда без него не берут, его абсолютно не волнует.

Во-вторых, и рабочих мест не так-то много. Человечество сегодня очутилось в своего рода безвременье. Индустриальная эпоха уже почти закончилась, а следующая ещё толком не началась. Многие массовые профессии минувшего века (токарь, фрезеровщик, машинистка, сапожник, кассир по выдаче зарплаты, счетовод и т.д.) почти исчезли или исчезли совсем, а из новых пока появились только те, что связаны с компьютерной техникой. К тому же общемировой рост экономики низкий — три-три с половиной процента, — а значит, и увеличения уже известных рабочих мест почти нет.

В-третьих, всё вокруг дорожает. Конечно, в экономически развитых странах цены растут не так стремительно, как в России, но всё же ощутимо. Особенно, когда речь заходит о покупке или аренде жилья, приобретении автомобиля, разных страховках и косвенных налогах.

В-четвёртых, в связи с усложнением жизни, которая требует от нас всё больших знаний и компетенций, сегодня социализация подрастающего поколения занимает больше времени, чем прежде. Не случайно в России в последнее время некоторые предлагают увеличить обучение в средней шко-

ле до 12 лет, браки чуть не по всему миру стали заключать позже, чем прежде, и, соответственно, позже рожать детей.

И, наконец, в-пятых, а куда, собственно, молодым торопиться? Теперь средняя продолжительность жизни выросла — 80-85-летний человек, ведущий активный образ жизни, уже никого не удивляет...

Вот и получается, что лучше лет до 30-35 пожить с родителями. Во всяком случае, дешевле.

Сами с усами

Если кто забыл, при советской власти многие жили с родителями не до 30 лет, а до 40, 50 и даже дольше. Ютящаяся под одной крышей семья из трёх поколений — бабушка с дедушкой, их дочка с мужем и двое дочкиных детей — никого не удивляла.

Люди жили, по сути, общинно-родовым строем, потому что у них не было возможностей улучшить свои бытовые условия. В очереди на квартиру иные стояли десятилетиями, а кооперативная квартира не всем была по карману. Более того, старики зачастую и не хотели, чтобы дети жили отдельно — к тесноте они привыкли с довоенной своей молодости, а одиночество страшило.

Сегодня, самой собой, для кого-то квартирный вопрос тоже неразрешимая проблема. Но далеко не для всех. В больших городах России жилые дома строят в больших масштабах — крупными кварталами. И что-то я не видел, чтобы они пустовали. Народ крутится, народ вертится. В том числе молодёжь.

Однако вот ведь что интересно: в то время, как в России численность выросших детей, желающих оставаться с родителями, неуклонно растёт, всё больше мамочек и папочек не желают жить вместе со своими взрослыми ребятами. Недавний опрос «Левада-центра» показал, что 62 процента родителей готовы выпроводить родных детишек в самостоятельное плаванье, едва те достигают 18 лет. Готовы помогать молодым с ипотекой, мебелью, обустройством, но только чтобы те жили отдельно.

При этом почти треть участников опроса считает, что это способствует большей независимости молодых людей, их активному включению в трудовую жизнь. Психологи полагают, что это очень правильно. Ведь когда большие дети задерживаются в отчем доме, у них невольно вырабатываются инфантилизм и расчёт на стороннюю помощь даже в самой маломальски трудной ситуации.

